

МОНМОРАНТЕ

ЮРИЙ ЕЛЬ

Юрий Ель

Монморанте

«Автор»

2026

Ель Ю.

Монморанте / Ю. Ель — «Автор», 2026

Венеция, 1750 год. Карнавал должен был закончиться пять дней назад, но вместо священного поста явилось проклятие. Рассвет так и не наступил, а люди, прячущие лица под маскарадными масками, этого даже не заметили. Обезумели. Дон Леон Монморанте - тот, кто ещё видит правду. Рядом с ним - преданный слуга Флавио, который должен помочь разобраться в происходящем. Их преследует ужасающая Констанца - певица, убитая при загадочных обстоятельствах. Но что ей нужно? Кому желает отомстить? Это предстоит выяснить двум несчастным, оказавшимся в эпицентре кошмара. И всё бы ничего, да только дон Леон без памяти влюблён в Констанцу. Она обречена стать его светом... или погибелью.

© Ель Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
---------	---

Юрий Ель Монморанте

Глава 1

Венеция, 1750 год.

Уставший взгляд Леона Монморанте упал на тарелку, что не пустела вот уже пять долгих дней. На ней снова появилась еда – запечённая рыба с пряностями. А вчера была телятина в кисло-сладком соусе, а позавчера паста, пироги. Были ещё десерты. Много сладостей, среди которых и марципаны, и различная выпечка... Устанешь перечислять!

В бокалах не высыхало вино. Вот оно, почему-то, отличилось постоянством. Если горячее и десерты менялись день ото дня, то напитки нет. И Леона от вина уже тошнило. А, может, тошнота мучала его не столько из-за вина, сколько из-за беспробудного пьянства? Признаться в этом господину Монморанте даже самому себе было непросто. Он отчаянно игнорировал этот факт и продолжал пить. С одной стороны, это скотство. С другой – а что ещё прикажете делать?

С осени не стихал карнавал. Начался маскарад ещё в октябре, а сегодня уже пятнадцатое февраля. Это по неточным подсчётам. И всё бы ничего, так бывает, праздники затягиваются... Да только вот уже пять дней не было ни одного рассвета. Ночь не сменялась днём, не было ни утра, ни обеда, ни полудня! Луна как висела, точно гильотина, так и висит в небе. Иногда Леону казалось, что она над ним хохочет. А мерзавки-звёзды ей поддакивают, мерцают и подначивают. Но это вино виновато, опять всё то же вино...

И, конечно, все проигнорировали начало Великого поста. Большинство венецианцев исповедовали католицизм и потому ждали Жирного вторника ¹. На сей раз он выпал на десятое число. Ведь на следующий день – в Пепельную среду – стартовали сорок дней строгого воздержания от искушений. То есть приверженцы религии опоздали на целых пять дней. И никого это не смутило. Не смутила и ночь, что с некоторых пор отказывалась уходить. Не уступала, негодяйка, рассвету, как ни проси, ни умолай!

Леон, думая об этом, нервно посмеялся и тут же сделал пару больших глотков вина. Так сказать, чтобы не отдаться в плен истерике.

Перед ним на столе лежали два важных атрибута: напудренный парик, от которого невыносимо чесалась голова, и роскошная маскарадная маска из белого атласа, она же баута. В таких на карнавале ходили многие представители высших сословий. Носил её теперь и Леон. Хотя, вообще-то, изначально образ его не подразумевал ношение этой маски. Вечером Жирного вторника, пять дней назад, в честь кульминации маскарада он решил облачиться в костюм Пьеро. Выбелил своё слащавое лицо белилами и пудрой до неузнаваемости, нарисовав на щеках чёрные слёзы – символ грусти и нежелания прощаться с праздниками. На деле, конечно, слёзы эти были фальшивые. Дон² Монморанте ничуть не грустил, а наоборот был полон желания как следует отметить последний день карнавала. С апломбом! Но теперь никакого настроения не было. Сейчас бы просто сохранить рассудок и совсем не потерять контроль над ситуацией. И бауту эту Леон надевал лишь потому, что грим его давно стёрся. А рисовать новый

¹ Традиционный праздник, который отмечается во вторник перед началом Великого поста. Это последний день карнавального сезона, наполненный весельем и народными гуляниями.

² Почётное обращение к знатному мужчине, патрицию. К женщине обращаются как «донна».

руки не поднимались. Притом скрывать лицо всё ещё требовало всеобщее веселье – в конце концов, без маски был риск привлечь к себе ненужное внимание.

Несомненно, на Венецию обрушилось доселе неведомое проклятие. Быть может, какой-нибудь алхимик наслал на город забвение и тьму? Или ведьма?.. Нет, нет, это ерунда какая-то! Вероятно, происходящему можно найти объяснение. Правда пока у Леона никак не получалось это сделать.

Он окинул взглядом своё палаццо, кипевшее жизнью, танцами и разговорами. Гостей собралось немало, но теперь уже их присутствие ни капли не радовало. Наоборот – тревожило. Если присмотреться, каждый из них вёл себя странно. Кто-то, например, бесконечно держал в руке пустой бокал, ничего себе не подливая. Как тот мужчина, беседующий с дамами. Причём ходил незнакомец с ним уже не первый день. А вон тот неизвестный господин в красочной маске и шляпе с пушистым пером неподвижно сидел за столом на протяжении нескольких часов. Не ел, не пил и ни с кем не говорил. Потом встал, прошёлся по банкетному залу и вернулся на место.

Но самая главная странность затрагивала абсолютно всех венецианцев – никто не ложился спать. Никто даже не дремал! Даже сам Леон не чувствовал усталости. Разве что только душевную.

Монморанте тяжело вздохнул и продолжил пить.

Музыка всё так же активно играла, как и пять дней назад. Музыканты, точно околдованные, не покидали своих мест и не выпускали из рук инструменты. И народ плясал до упаду, останавливаясь лишь для того, чтобы смести со стола угощения. Подкрепиться, так сказать, и снова отдаться танцу.

А, может, то кара небесная за лицемерие людское? Ведь карнавал этот, проводимый во имя распутства, чревоугодия и другого рода смертельных грехов, плавно должен был перетечь в священный пост. А во время поста, как известно, запрещено обжираться, упиваться и отвлекаться на кутёж. Нужно неистово молиться, посещать храмы и просить у Бога милости. Ну не смешно ли? Венецианцы устраивают масштабное развлечение, дабы насладиться различного рода искушениями. И очень торопятся успеть вкусить запретные плоды до поста! Будто Бог слеп до этого момента! Это если откинуть теорию про ведьм и алхимиков и попытаться найти объяснение, обвинив Владыку Небесного.

Леон, откинув наскучивший чёрный плащ, неуклюже выудил из кармана табакерку. Позолоченную, с чудной картинкой на крышке. Изображала она звёздное небо с солнцем и луной. Леон, когда увидел такую диковинку у ювелира, ахнул от восторга и, не задумываясь, купил. Сейчас она почти опустела. Придётся найти ещё табака. Может, позаимствовать у кого-нибудь? Да, он не только напивался, но и нюхал табак, не прекращая.

— Дон Леон, позвольте подлить вам вина.

Подошёл слуга, тоже в маске, тоже вычурно одетый. Он держал в руках тёмную бутылку с пёстрой этикеткой.

Леон неохотно глянул сначала на слугу, а потом на чудесным образом опустевший бокал.

— Подлей.

И слуга плавно наклонил бутылку. Потёк дурманящий нектар. Леон в этот момент вдруг ощутил на себе его взгляды – короткие, но пристальные. Будто слуга что-то пытался понять, но боялся привлечь к себе внимание или показаться грубым. В конце концов, по статусу ему не положено пялиться на господ *вот так* нагло!

Но Леона его поведение не смутило, и он просто уставился на слугу в ответ. Удивительно, но именно он вёл себя страннее всего посреди этого сумасшедшего пира. Маска на нём оказалась простая, из папье-маше. И закрывала она лишь верхнюю часть лица. Движения были какие-то нервные, хотя слуга отчаянно старался скрыть беспокойство. Он будто одёрги-

вал себя, когда озирался по сторонам, а ещё потел – над верхней губой его блестели маленькие капельки пота.

Леон заметил и то, как тряслись руки слуги.

— Вино едва в бокал попадает, - произнёс он, но без осуждения, а как факт. – Ты нервничаешь?

Слуга резко поставил бутылку на стол, и получилось это слишком уж громко, но никто не обратил внимание.

— Мне дурно, синьор. Я, вероятно, болен.

Леон поначалу напрягся и даже невольно отстранился. Взгляд его внимательный заметался по открытым участкам кожи слуги, ища симптомы болезни. Слуга заметил это и тут же поспешил оправдаться:

— Здесь душно! Очень душно. От этого мне и дурно. Не беспокойтесь.

— Как твоё имя?

— Флавио, синьор.

— Весьма благородное имя, - заметил Леон, собираясь отпить вино из бокала. И между делом он спросил: - Не подскажешь, который сейчас час? Или... день. Я слишком пьян, Флавио. И уже давно. Так что не сочти за умалишённого.

Леон усмехнулся, демонстрируя напускную уязвлённость. Мол, видишь же, в каком интересном состоянии твой господин? От того и запутался, бред несёт. Но Флавио в ответ не улыбнулся и, казалось, занервничал лишь сильнее. Однако молчать, когда к нему обращался его господин, он не мог, потому неохотно, но ответил:

— Пять дней уже минуло с... Жирного вторника. А час сейчас поздний – два... ночи.

Тихий голос слуги был отравлен неуверенностью. Кажется, и он не мог точно знать сегодняшнюю дату. Ориентировался, видимо, так же как Леон – по тому, как сменялись на часах каждые двадцать четыре часа. И стрелки на них двигались бесконечно долго. А иногда казалось, что не двигались вообще.

— Танец! Танец! Танец! – объявил кто-то громко.

И Флавио вдруг схватил Леона, заставил подняться на ноги, а потом, точно девицу, повёл в танце. Монморанте не успел ничего понять и вообще едва стоял.

— Ты чего это?.. Что происходит?! – возмутился он, грубо отпихивая слугу.

Но тот не сдавался и лишь крепче схватился за своего господина, с мольбой произнеся:

— Простите! Тысячу раз простите! Но так надо! Поверьте, мой синьор! Просто танцуйте.

В этот же момент абсолютно все разбились по парам. И многие выглядели так же нелепо: некоторые женщины танцевали с женщинами, а мужчины с мужчинами. Кажется, они хватались за первого попавшегося партнёра – кто стоял рядом, к примеру. И гости принялись кружиться в танце. Смеялись, делали реверансы, иногда даже сталкивались друг с другом, но не прерывались.

Леон озирался по сторонам, нахмутив от непонимания брови. Толкаться со слугой он прекратил. Что-то подсказывало – лучше послушаться и не выделяться.

И в подтверждение его догадкам, Флавио тихо объяснил:

— Если не танцевать, они нападут.

У Леона по спине побежали мурашки:

— В каком это смысле?

Флавио активно закивал, будто жест этот добавит правдивости его словам:

— Я не лгу! Я уже столкнулся с их злобой. Поначалу тоже ничего не понял, когда кто-то объявил эти проклятые танцы. А потом на меня накинута целая толпа, едва не разорвали! Требовали танцевать. Требовали встать с кем-нибудь в пару.

Леон заметил вдруг, что рукав костюма слуги оказался порван, а из-под маски выглядывала ссадина. Пострадала скула. Его и впрямь ударили. И, вероятно, не раз.

— Верю, - отозвался Монморанте испуганно. – Но что же происходит в Венеции? Как объяснить всеобщее безумие?

Слуга на вопросы не ответил, вряд ли мог. Вместо этого он облегчённо выдохнул:

— Боже наш всемогущий, я так рад, что не один. Счастлив, что вы тоже всё видите и понимаете! Мне повезло заметить это за вами.

— Каким же образом? Ты следил за мной?

Флавио ответить не успел. Со стороны раздался осуждающий возглас:

— Он без маски? Взгляните, он без маски!

Гостя указывала на Леона пальцем. Её тут же поддержали другие:

— Неприлично! Неприемлемо!

— Вы думаете, мы хотим видеть ваше лицо? Вы в своём уме?!

— Какая мерзость... Да я вам сейчас глаза выколю этой вилкой, а потом нос отрежу!

Леон невольно попятился, не на шутку испугавшись. Мысли его тревожные метались, руки задрожали. Такой свирепости за гостями за прошедшие пять дней он не замечал. Это поведение оказалось в новинку.

Хотелось развернуться и бежать, но в банкетном зале его родного палаццо сегодня собралось необычайно много народу, поэтому ускользнуть не получится. Его поймают и линчуют! У них аж руки тряслись от злости и нетерпения. Гости жаждали расправы и кровопролития.

Флавио среагировал быстро: метнулся к столу, за которым Леон коротал вечер, схватил его бауту и нацепил её ему на лицо. Сам Леон так и стоял бы как вкопанный не в силах что-либо предпринять. Тело его сковало неумолимое оцепенение. Потому за действиями слуги по спасению своего господина он наблюдал молча и неподвижно.

И в ту же секунду, когда маска оказалась на лице Монморанте, толпа успокоилась. Смолкли осуждения и полные презрения слова. Больше никто не брызгался ядом.

Закончились и танцы. Гости – все как один в масках и костюмах – продолжили беседовать друг с другом, пить, есть и веселиться. А Леон от пережитого шока рисковал лишиться чувств. Флавио и тут оказался рядом – подхватил господина под руку и вывел из палаццо в ночь.